

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

(Окончание. Начало на 4—5-й стр.)

Но столкнувшись с пробуждающейся к самосознанию личностью, пытающейся, хоть и робко, заявить о своих человеческих правах и достоинстве, «подпольный человек» терпит полный моральный крах.

Достоевский вступил в бескомпромиссную борьбу с буржуазной общественной мыслью, начавшей активно вырабатывать охранительные взгляды. В области этики он усматривал главную опасность в позитивизме и его ответвлении — утилитаризме, выдвинувшем в качестве критерия истины и нормы человеческого общения принцип пользы. Иеремия Бентам и Джон Стюарт Милль, равно и их многочисленные последователи, пытались придать утилитаризму оттенок человеколюбия, ставя знак равенства между пользой и добром, но на деле эти либеральные английские буржуа вводили в норму социальное неравенство и оправдывали мальтузианство. Позитивисты рассматривали человека как совокупность физиологических и наследственных свойств и пассивный продукт внешней среды. К народным массам и социальной жизни они подходили, руководствуясь дарвиновской теорией борьбы за существование, спокойно взирая на гибель и страдания людей как на естественный закон выживания сильнейших и отмирания слабейших. Социально-дарвинистские взгляды разделял и Бакунин. Ища средства упрочения существующего порядка, многие историки и философы возрождают идею цезаризма. Устами Ницше буржуазия провозгласила ответственность и необязательность всех моральных норм, противопоставив им личное право сверхчеловека, находящееся «по ту сторону добра и зла». Одновременно буржуазия начала приспосабливать к своим нуждам и разнообразным социалистическим течениям. Энгельс имел все основания сказать, что подлинным социализмом в середине века, представлявшим реальную угрозу для капитализма, была лишь теория, изложенная в «Коммунистическом Манифесте», и рабочее движение, на него опирающееся. Что касается других социалистических течений, то, стремясь при помощи разных рецептов и всеисцеляющих средств смягчить общественные бедствия, они не были направлены против устоев капитализма. И Родион Раскольников, делавший человечеством на две неравные части — на так называемый «материал» и людей необыкновенных, имеющих неписанное право ради своих целей приносить в жертву любое количество человеческих жизней, убивший старуху-ростовщицу в надежде подтвердить свою теорию, — духовное детище буржуазного разложения. Его взгляды вполне отвечали объективному развитию буржуазного сознания. Раскольников — радикал и убежденный противник социализма — был великим художественным открытием Достоевского. Его образ предвещал весьма важное и характерное явление духовной жизни второй половины XIX века и века нашего — возникновение довольно странной и опасной фигуры бунтаря-консерватора, который носил в душе протест против социальной несправедливости, но из верных предположек о несовершенстве мира делает ложные выводы, выдвигая крайне реакционную программу общественных действий. Достоевский безоговорочно осуждает Раскольникова. Но почему он вызывает сочувствие? Достоевский показывает, что теория Раскольникова бесчеловечна и тот, кто ее принимает, должен уничтожаться как человек. В Раскольникова человек борется за собственное бытие и в конце концов побеждает, когда Раскольников, сложенный преступлением, не сразу, но отрекается от своей идеи,

которой писатель противопоставляет беспредельную доброту и человечность Софочки. Так возникает у Достоевского тема воскресения человека в человеке, предвещающая важнейший мотив толстовского творчества.

Вечная доброта, вечная Софочка! Кто заступится за людей, влачащих свои дни среди бедности, жестокости, всяческой скверны? Кто облегчит их каждодневные невзгоды, кто протрет им руку помощи и милосердия, как сделать, чтобы на земле не было бессмысленных страданий и унижений человека и он смог бы достойно жить в уютном мире? Ни одна теория, направленная против истинных нужд и свойств людей, лишенная высшей гуманности, не разреши этих проклятых вопросов бытия, считал Достоевский. Потому так безразличен и внутренне мертв окостенелый порядок, воздвигнутый Великим инквизитором, ибо счастье людей невозможно без учета их устремлений и желаний и вопреки им, и его нельзя создать ценой умерщвления в людях свободной воли, достоинства, творческого, деятельного начала, превратив их в скопище послушных и бездумных потребителей житейских благ. С не меньшей убедительностью разрушал Достоевский идею своеволия личности, стоящей «по ту сторону добра и зла», и органические носители злого разрушительного начала в его произведениях — Свидригайлов и особенно Ставрогин — несомненно сильные люди — гибнут, раздавленные собственным себлюбием, одиночеством и душевным холодом — платой за собственную бесчеловечность. Не признавал Достоевский и относительности морали и ее ценностей. Софистическая игра Ивана Карамазова моральными категориями, завершившаяся выводом, что «все позволено» и нет ничего, что могло бы контролировать и сдерживать человеческое хотение, ведет его к полному духовному крушению и делает нравственным соучастником отцеубийства, совершенного Смердяковым, этим олицетворением лаячества мысли и низменности души. Не случайно пророк идеи «сверхчеловека» — Фридрих Ницше вынужден был признать, что гуманистическое содержание творчества Достоевского «полностью противоречит моим самым потаенным инстинктам».

Против своеволия и аморализма личности, соединенных с извращенной идеей бунта, Достоевский выступил и в романе «Бесы», герои которого, следуя нечеловеческим догмам, попирают священные принципы революционной этики. Петр Верховенский, этот приверженец анархизма, мрачный и злой циник, говорит: «Ну что в социализме: старые силы разрушил, а новых не внес. Что же этот прожженный демагог предлагает взамен? Насилие ради насилия, разрушение ради разрушения. Исходя из тезиса «бесы оправдывают средства», он, полный презрения к народу и неверия в его творческие возможности, делает ставку на кучку заговорщиков, не гнушаясь ни шантажом, ни обманом. Таких околоревольюционных бесов, как Петр Верховенский, и сейчас хоть пруд пруди среди тех, кто сегодня на Западе и на Востоке крайнюю левизну сделал своим знаменем. Нечаевщина — прообраз событийной стороны романа — была самым мрачным и безотрадным тупиком русского революционного движения. Ее бескомпромиссно осудили Маркс и Энгельс, равно как и русские революционеры. Но поскольку многоплановый роман Достоевского, содержащий жестокою критику либерализма, идеи сверхчеловека, всей российской общественной системы, иных революционных сил, кроме нечеловеческих, не включал в поле своего изображения, то

хранится в личном архиве

РЕДКИЙ

СНИМОК

ФЕДОРА

МИХАЙЛОВИЧА

ДОСТОЕВСКОГО

Дарю в знак памяти Достоевский

Этот снимок Федора Михайловича Достоевского прислал «Литературную Россию» ее читатель офицер запаса Вадим Васильевич Кремлев (Одесса). Когда и кому подарил свою фотографию великий писатель и как она оказалась в семейном архиве Кремлевых, Вадим Васильевич не знает. Не разъясняет этого и надпись: «Дарю в знак памяти Достоевский», — сделанная на обратной стороне этого портрета. Но как бы там ни было, ясно одно: это — редкий снимок, и подарен он был Федором Михайловичем кому-то из его друзей.

он производил двойственное впечатление. Поэтому демократические и народнические круги сочили, что он направлен против них в целом. Но дело гораздо сложнее. Роман писался Достоевским за границей и исследовал не только нечеловечность, но и западноевропейский анархобланклизм. Роман «Бесы» являет собой анатомию и критику ультралевацкого экстремизма.

Что касается взглядов, которыми руководствуются герои романа, то Ленин отмечал, что анархизм «...имел возможность в прошлом (70-е годы XIX века) развиться необыкновенно пышно и обнаружил до конца свою неверность, свою непригодность как руководящей теории для революционного класса».

Не принимает Достоевский и мысли об изначальной испорченности и неизменности человеческой природы — излюбленной для буржуазной философии. Он не считал, в отличие от просветителей, что человек есть существо только разумное, которому достаточно разъяснить его высшие интересы или подействовать в умственном развитии, как в обществе воцарится гармония. Он понимал, что объективные условия бытия создают историческое пространство, в котором могут возобладавать как светлые, так и темные стороны человеческой природы. Служители «идеала Содомского» в его романах — старик Карамазов, тот же Ставрогин, «хищная натура» Версилье и другие — не есть природные злодеи. Как художник, мыслящий исторично, Достоевский сознавал, что подобные характеры — плод несправедливой, жестокой жизни, помехичных привычек и навыков. В «Записках из Мертвого дома» он подчеркивал, что даже законный преступник всегда сознает, что совершает преступление. Иными словами, человек не есть существо нейтральное к морали, он активен — в нем заключена способность различения добра и зла, того, что есть нравственно и что есть безнравственно. Следовательно, человек может изменять и совершенствовать жизнь. Но, блуждая в поисках исторической истины, Достоевский смутно представлял, какой дорогой должно двинуться человеку и обществу. Он хорошо знал, чего он не хочет для людей, но как воплотить в жизнь этический идеал, которому он был верен до конца дней своих, для

него было неясно. В своих раздумьях о будущем он разрывался внутренними противоречиями, ибо в душе его шла неустанная борьба между бунтарством, настроениями социального протеста и идеями смирения — прямым следствием его этического идеала. Борьба эта ощущалась во всем его позднем творчестве.

Он вел отчаянную полемику с радикалами-позитивистами, главным образом из круга «Русского слова», по вопросам этики, отношения к народу, человеку и искусству. Сейчас можно сказать, что в этой полемике его гуманизм и демократизм проявились с самых лучших своих сторон, ибо суждения отечественных позитивистов о том, что основанием этики является утилитаристский принцип пользы, а человек есть животный организм, изменяющийся исключительно от физических и химических воздействий, их утверждения, что народ туп, глуп, пассивен и только просвещенные умы движут общество вперед, хотя и делавшиеся от имени свободы и прогресса, не могли не вызвать серьезнейших возражений. Взгляды отечественных позитивистов, несомненно, были шагом назад по сравнению с воззрениями идеологов крестьянской революции — Чернышевского и Добролюбова. Отрицание искусства, бессмысленно-ожесточенные нападки на Лермонтова и Пушкина подтверждали крайнюю узость общих взглядов позитивистов. Заметим, что Достоевскому принадлежит громадная заслуга в утверждении национального и народного значения Пушкина.

Гораздо драматичнее был его спор с тем, что он называл «нынешним социализмом», то есть с социалистическими теориями середины века, какими они представляли ему со страниц тогдашних газет и журналов. Он с ужасом улавливал близость этих теорий с ненавистным ему позитивизмом, который для Достоевского всегда был символом буржуазности. С огорчением тревогой наблюдал он, как буржуазное общество стремится приспособить социализм к своим потребностям. И для такой тревоги основания имелись. Ленин отмечал, что «Социалистами», напр., не раз называли себя и сторонники английского буржуазного либерализма... и сторонники Бисмарка и друзья папы Льва XIII».

Да и сами социалистические теории той поры имели различную окраску, начиная от уравнительной, католической, лассальянской, прудонистской и кончая народнической, нечаевско-ткаческой. Многие из них были свойствен духу казарменности, который, чего боялся Достоевский, приведет к возникновению поглощающего личность муравейника, подобного тому, который привиделся ему однажды в ночном Лондоне. Для Достоевского, как и для большинства русских мыслителей и писателей того времени, идеи «реального гуманизма», то есть научного социализма, решительного борющегося с проникновением буржуазных взглядов и настроений в социалистическое движение, резко критикованного подмену истинного коллективизма казарменностью, были неизвестны. Но, несмотря на горячность полемик, Достоевский, как показывает заметка в «Записной тетради» 1875—1876 годов, признавал «реальность и законность требований коммунизма и социализма и неизбежность европейских потрясений». Грядущая революция и обострение классовых битв пугали его, ибо он думал, что их итогом станет господство буржуазии, и надеялся, что Россию, по его словам, «... минет вихрь разрушительный, кружащийся в Европе». Он видел несколько возможностей избежать подобной опасности. Разделяя весьма живучие иллюзии той эпохи о возможности поидать разумность царской власти, он надеялся, что одним из противовесов подобной опасности могло бы стать единство всех классов и сословий России под эгидой авторитарного начала, то есть идеализированной, возведенной в ранг символа царской власти, которой надлежит объединить все сословные интересы, остановить процесс разложения общества, пауперизацию народа и установить в нем равновесие. Как учил старец Зосима, Иван Карамазовых, эту миссию государство выполнит лишь на основе евангельского учения. Консервативный и даже реакционный утилитаризм подобной программы самоочевиден.

Однако несравненно большие надежды возлагал Достоевский на творческую мощь русского народа, на то, что его самобытное историческое развитие не повторит опыт Европы. Всегда, за всеми конфликтами и философскими контроверзами его романов, за их сложным драматизмом, душевными терзаниями и раздумьями героев, как мерило всех мерил, как сила, способная развязывать заблуждения и помогающая человеку пробиться к истине сердца и истине разума, стоит великий наставник, страдалец и жизнелюбец — русский народ. Ему поклонялся и перед ним склонялся всю жизнь Достоевский, он был его истинной верой. Одно время он стоял на позициях поченничества. Но поченничество ведет к национальной замкнутости, утрате способности к национальной самокритике, взгляду на культуру как единый поток. С годами, размышляя над исторической миссией России, над ее местом и судьбами среди других народов, Достоевский пришел к иным итогам. «Стать настоящим русским», говорил он в своей удивительной речи «Пушкин», — значит вполне русским, может быть, и значить только... стать братом всех людей». Идеи братства людей и народов — вот что завещал своей репю Достаевский и что стало конечным итогом его раздумий. Как оно осуществится, он не знал.

Но не только одно смирение и кротость видел он в русском народе. Обращаясь в «Дневнике писателя» к интеллигенции и власти, Достоевский говорил: «Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его. Позовите их, зовите зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду и мы все в первый раз, может быть, услышим настоящую правду». Достоевский сознавал, что в руках народа — ключи к будущему, и он скажет о нем свое верное слово, правду народную, которая изменит мир. Великой силой, способной переменить жизнь, Достоевский считал также добро. Но вместе с тем с исключительной художественной чистотой показал он крушение безоружного добра, то есть, по существу, своего этического идеала, существовавшего с немалой реальностью жизни. Как потрясающе безнадёжна судьба князя Мышкина, бедного рыцаря добра, втянутого в неистовое кружение страстей и интересов! Его беззащитная открытость и мудрость сердца оказались слишком слабым заслоном против напора неразумия жизни, и роман завершился финалом высочайшего трагизма, напоминающего финал пушкинских «цыган».

И всюду страсти роковые, И от судьбы защиты нет.

Стало привычным говорить о тургеневских женщинах. Но какой стихийной мощью протеста наделяли женские образы Достоевского! Все его симпатии на стороне тех героинь, кого гнула и ломала жизнь, кто отстаивал свое право и достоинство, вступая в борьбу с привычками и косными общественными тра-

дициями. И когда Аглая советует Настасье Филипповне стать честной и пойти в прачки, насколько выше этой ожесточившейся генеральской дочке гордая и прекрасная женщина, охваченная божественным безумием любви и самоотвержения, гибнущая от своего непокорства, сознающая, что она погубит и нож Рогожина неотвратимо ждет ее. Какой внутренней силой и цельностью обладает Грушечка — безоглядно решающая разделить судьбу несчастного Мити!

Непокорство героинь Достоевского — лишь одно из проявлений духа протеста и бунтарства, вызревавшего в русском обществе, когда в России все переворачивалось и находилось в брожении, а тяжесть обветшалых общественных условий становилась невыносимой и началась открытая борьба революционных сил с царским режимом. Все главные герои Достоевского живут в психологической атмосфере предреволюционной поры и внутренне готовы к бунту. Достоевский и сам всю жизнь носил в себе бунт.

Но несмотря на неоднозначность отношения писателя к бунту, Достоевский не исключал начисто человеческой активности, направленной на устранение несправедливости, ибо счастье и свобода человека и человечества были его заветной мечтой и надеждой. В «Братьях Карамазовых» с необычайной мощью художественной диалектики, отсылая проповедь смирения и личного самосовершенствования старца Зосимы, проповедуется идея права человека на бунт.

Для России тех лет вопрос о том, разрешает ли этика, зиждущаяся на гуманистических основаниях, бунтарство или революционное действие, имел жгучее значение. От него зависело решение отдельного человека: принимать ли ему участие в общественной борьбе или нет, со всеми вытекающими из этого решения последствиями для него лично. Поначалу вопрос этот решается в романе в границах отвлеченной этики. Иван спрашивает Аleshу: согласен ли он ценой страданий невинного ребенка, «на неотомщенных слезах его» основать будущее счастье человечества? И, разумеется, получает отрицательный ответ. Однако парадокс этот обратим и вызывает контрвопросы. Позволяет ли, чтобы немалые страдания человечества и грядущие муки ни в чем не повинных, еще неродившихся людей существовали и длились, чтобы не пролилась неотомщенная слеза ребенка? И на этот вопрос существует только один, отрицательный ответ. Так, может быть, парадокс этот вообще неразрешим и он есть окончательный ответ Достоевского на неотомщенные требования истории, революции и борьбы русских людей за свободу? Но не будем спешить с выводами. Художественная мысль Достоевского диалектична: он показывает, что этот парадокс неразрешим в пределах лишь отвлеченной этики и взрывает его, вводя в рассмотрение самое жизнь. Он спрашивает: почему же льются слезы ребенка, почему возможно страдание людское? От чего плачет дитё в муке встревоженной совести, в вешем сне вопрошает Митя Карамазов: «...почему это стоят погорелые матери, почему бедны люди, почему бедно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, почему не поют песен радостных, почему они очернели так от черной беды, почему не кормят дитё?» Вопросы эти поставлены Достоевским в духе всей великой русской литературы. Что же остается делать человеку, если несправедливость составляет суть мира? Остается одно: человек обязан и может изменить «лик мира сего», устрояя источники зла, борясь с его служителями, и в призыве к этому заключены объективный смысл и значение творчества Достоевского.

Его художественное наследие — огромное богатство и гордость нашей культуры. Гуманистический и демократический пафос творчества Достоевского, бескомпромиссная критика им капитализма делают его произведения важнейшей частью великой русской литературы. Мы отбрасываем попытки, предпринимавшиеся за рубежом и ранее, и в наше время, истолковать творчество Достоевского как противостоящее ее освободительным устремлениям.

Мы не закрываем глаза на противоречия, терзания его души и отразившиеся в создании его художественного гения. Но эти противоречия породили объективными сложностями общественного развития, трудностями отыскания истины истории.

Достоевский никогда не терял веры в будущее, в способность людей сделать его разумным. «И пребудет всеобщее царство мысли и света, и будет у нас в России, может, скорее, чем где-нибудь», — писал он со страстной «убежденностью». Могучим мажорным призывом — не бойтесь жизни! — завершил он «Братьев Карамазовых», «вершинное свое создание. И в словах этих — мудрость, ибо, лишь доверяя жизни, любя ее, не страшась ее гроз, пробьется человечество к высшему счастью».

ТОРЖЕСТВА В ЛЕНИНГРАДЕ

12 ноября в Академическом Большом драматическом театре имени М. Горького состоялось торжественное заседание, посвященное юбилейной дате. Почтить память писателя собрались представители творческих союзов, деятели науки, представители трудящихся города. В президиуме — первый секретарь Ленинградского обкома партии Г. В. Романов, секретарь обкома партии В. И. Кошущин, первый секретарь Ленинградского горкома партии Б. И. Аристов, председатель исполкома Ленинградского городского Совета А. А. Сизов, секретари горкома партии Б. С. Андреев и Н. С. Семенов, первый секретарь правления Ленинградского писательского объединения О. Н. Шестинский, члены Всесоюзного юбилейного комитета по проведению 150-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского.

Торжественное заседание открыл член Всесоюзного юбилейного комитета, доктор филологических наук профессор Б. И. Бурсов. Со словом о творчестве Ф. М. Достоевского выступил академик М. П. Алексеев. О неповторимом своеобразии художественной манеры писателя говорил Д. А. Гранин.

Юбилейные вечера, посвященные 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского, прошли в столицах союзных республик и других городах страны.